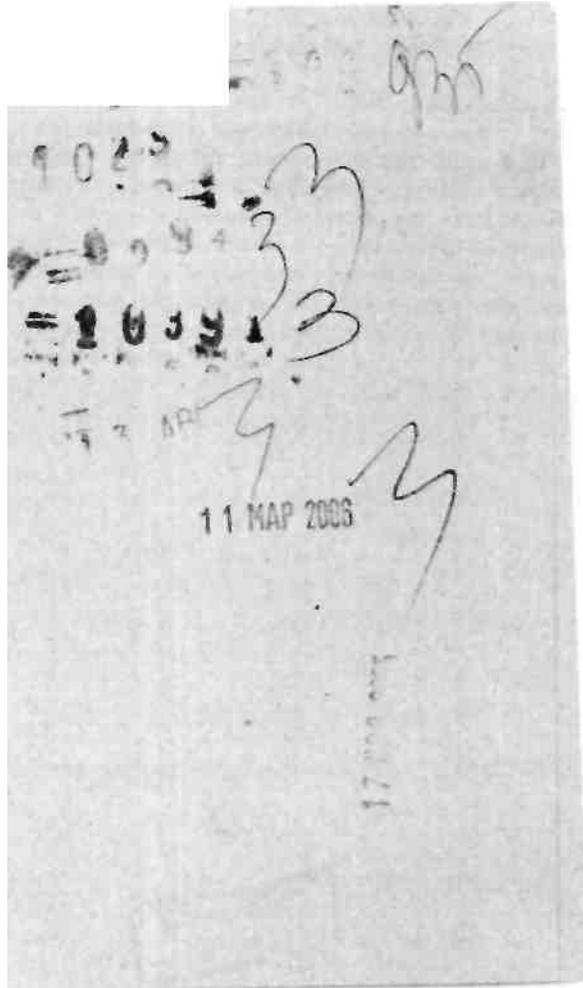

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ

Л* ШЕР

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
196 ff

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является первым системным исследованием многочисленных древнетюркских каменных изваяний, распространенных в северных районах Средней Азии и сопредельных территориях, которые в свое время входили в состав тюркских каганатов. В книге обобщены наблюдения над «каменными бабами», приводятся сравнения с подобными памятниками из Южной Сибири, Монголии, дается их общая классификация, на основе которой делается попытка рассмотреть вопросы хронологии, семантики в историко-культурно-географическом аспекте памятников. Книга имеет большое количество рисунков и таблиц.

УДК 73.01.01:73.01.01
В. М. МАГИДЕЛШТАМ

ВВЕДЕНИЕ

«Едва ли и области русской археологии существует какой-нибудь вопрос более запутанным и темным, чем вопрос о «каменных бабах», — писал 50 лет тому назад известный русский археолог и востоковед Н. И. Веселовский и своей обобщающей работой на эту тему (Веселовский, 1915, стр. 3).

За прошедшие 50 лет, из которых 48 приходится на период советской археологии, положение существенно изменилось. Опираясь на труды своих предшественников (А. С. Уваров, Д. А. Клеemann, В. В. Бартольда, В. В. Радлова, Н. И. Веселовского и др.), советские археологи (М. И. Грязнов, Е. Р. Шаеидер, Л. Л. Евтюхова, С. В. Киселев, С. А. Плетнева, Л. Р. Кызласов, А. Д. Грач и др.) и некоторые их зарубежные коллеги (Вл. Котвич, А. Сальмони, Л. Инсл) значительно продвинули вперед изучение многочисленных разновременных и разнотипных памятников каменной скульптуры, воплотив в археологическую литературу иод не очень удачным и неточным, но традиционным собирательным термином «каменные бабы».

В настоящее время можно считать вполне достоверным подразделение этих памятников на следующие большие территориально-хронологические группы.

1. Изваяния эпохи бронзы южнорусских степей (Тереножкин, 1952; Титенко, 1955; Каипец, 1955; Щепнекпй, 1958, и др.) рис. 1, а.
2. Изваяния эпохи бронзы на Енисее (Грязнов и Шнейдер, 1929; Грязнов, 1950, и др.) — рис. 1, б.
3. Изваяния скифского времени южнорусских степей (Миллер, 1925; Passek, Latynin, 1929; Мелюкова, 1952; Елагина, 1959; Артамонов, 1961, и др.) - рис. 1, в.
4. Изваяния скифского времени Монголии и Сибири, так называемые «оленные камни» (Окладников, 1954; Диков, 1958; Членова, 1962, и др.) — рис. 1, г.
5. Изваяния таштыкской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1960б, и др.) - рис. 1, д.

6. Древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири и Туркестана (Радлов, 1899; Казакевич, 1930; Евтюхова, 1941, 1952; Грач, 1961; Шер, 1963б; Кызласов, 1964а, и мн. др.) — рис. 1, е.

7. Кыпчакско-половецкие «каменные бабы» приволжских и южнорусских степей (Веселовский, 1915; Зяблин, 1955; Плетнева, 1958, и др.) — рис. 1, ж (см. рис. 1).

Современное состояние вопроса о каменных изваяниях евразийских степей позволяет надеяться, что в недалеком будущем сложатся условия для обобщенного исследования на эту тему, которое охватило бы большой хронологический период (от эпохи бронзы до средневековья) и проследило бы на всей сумме материала пути развития культовых представлений, с которыми были связаны эти изваяния. Однако до этого необходимо выполнить еще ряд подготовительных работ по конкретным территориально-хронологическим группам памятников.

Одной из наиболее значительных групп как по количеству² материала, так и по территории распространения является древнетюркская скульптура. Степень изученности ее по отдельным областям в настоящее время недостаточно равномерна: если для восточных районов ареала этих памятников имеются обобщающие труды (Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Кызласов, 1964а), то по западным районам, охватывающим север Средней Азии, приходится довольствоваться разрозненными публикациями и отдельными разделами в трудах, рассматривающих памятники разных эпох,

Настоящая работа имеет своей целью по возможности восполнить этот пробел и ввести в научный оборот известные автору каменные изваяния Семиречья и соседних областей.³

* * *

Начало широкого научного изучения «каменных баб» Средней Азии относится к 70-м годам прошлого века, когда царскому правительству понадобились сведения о природных и хозяйственных ресурсах этой территории. Сюда хлынула армия изыскателей, топографов, землеустроителей, чиновников царской администрации, врачей, учителей. Это в большинстве своем были люди образованные, нередко энтузиасты освоения нового края. Впоследствии

¹ Данная статья Л. Р. Кызласова вышла в свет при подготовке к печати рукописи настоящей работы.

² По неполным данным, сейчас известно более 400 древнетюркских изваяний, часть которых по разным причинам не могла быть изучена.

³ Следует сразу оговориться, что, вероятно, не все изваяния, рассмотренные в данной работе, относятся к древнетюркскому времени. Некоторые из них (см. гл. 2, 3 настоящей работы, изваяния II типа), видимо, окажутся более ранними и более поздними. Это может быть установлено на основе более совершенных методов, чем те, которыми пользовался автор. Думается, что подобное уточнение коснется и некоторых южносибирских изваяний, определенных сейчас как древнетюркские.

Рис. 1. Тины каменных изваяний евразийского пояса степей.

а — изваяние эпохи бронзы южнорусских степей; б — изваяние эпохи бронзы на Енисее (по Грязнову); в — скифское изваяние (по Артамонову); г — олений камень (по Окладникову); д — Таштыкское изваяние (по Кызласову); р. — древнетюркское изваяние (Тянь-Шань); ж — «каменная баба» из южнорусских степей (п «Веселовскому»).

они образовали ядро той передовой части туркестанской русской интеллигенции, которая, прекрасно изучив местные языки и обычаи, явилась проводником лучших традиций русской культуры. Им прежде всего обязана русская археология первыми известиями о памятниках древности. «Туркестанские ведомости» — главная русская газета в Средней Азии — очень быстро запестрела сообщениями не только о памятниках мусульманской старины, но и о более древних находках, курганах, поселениях и, конечно, о «каменных бабах». В научный оборот начала входить еще одна область распространения каменных изваяний, не уступающая по их обилию Монголии и Сибири.

В Среднюю Азию приезжали и петербургские ученые. Среди них был крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд, отправив гайся в 1894 г. в свою известную «командировку с научной целью». Он проехал Чуйскую и Таласскую долины, побывал на Иссык-Куле, в некоторых районах Центрального Тянь-Шаня, в долине р. Или. Все, что имело, археологический или исторический интерес, фиксировалось, описывалось, а путешествовавший вместе с ученым художник С. М. Дудин делал зарисовки и фотоснимки с наиболее интересных памятников и предметов. Возвратившись в Петербург, В. В. Бартольд опубликовал «Отчет о поездке в Среднюю Азию» (Бартольд, 1897), который был одним из первых научных описаний виденных им археологических памятников. В. В. Бартольд стал научным шефом Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), члены которого внесли большой вклад в изучение археологии Средней Азии вообще и туркестанских «каменных баб» в частности (Аничков, 1897, 1899; Мустафин, 1898; Каллаур, 1898; Колосовский, 1901). Этими именами далеко не исчерпывается список авторов, писавших о древних изваяниях Туркестана. Известный русский археолог А. А. Спицын (1898) и ректор томского университета В. М. Флоринский (1896); чиновник для особых поручений Туркестанского генерал-губернатора Н. Н. Пантусов (1889, 1889а, 1901, 1904) и пишпекский врач, друг семьи М. В. Фрунзе, Ф. В. Поярков (1898); финский археолог Гейкель (Heikel, 1918) и преподаватель французского языка Оренбургской гимназии И. А. Кастанье (1910); крупный русский ученый Н. И. Веселовский (1915) и сотрудник американской экспедиции института Карнеги Хэнтингтон (РшпреШ, 1905) — все эти люди с разным уровнем научного подхода стремились описать, понять и по-своему объяснить загадочные «истуканы», то там, то здесь встречавшиеся на их пути.

Безусловно, работы этого времени неравноценны как по количеству материала и качеству его издания, так и по степени обоснованности их выводов. То, что в одном ряду фигурируют, например, В. М. Флоринский, И. В. Аничков, В. А. Мустафин и А. А. Спицын, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, ни в коей мере не следует рассматривать как признание их равнозначности.

Вряд ли уместны подробное рассмотрение и критика старых работ, написанных и опубликованных задолго до того, как сформировались основные методические требования современной археологии как науки. Несправедливо было бы требовать от их авторов больше того, что они могли сделать и нередко делали для своего времени неплохо. Достаточно отметить, что многие публикации Туркестанского кружка любителей археологии о «каменных бабах» (подробнее об этом см.: Лунин, 1958) не утратили своего значения и до сих пор. Что же касается работ Бартольда (1897), Н. И. Веселовского (1915) и И. А. Кастанье (1910), то без них вообще обойтись невозможно.

В советское время археологическое изучение Средней Азии, как и других областей страны, приобрело небывалый размах. Наиболее значительные исследования древних памятников Семиречья долгое время были связаны с именем выдающегося советского археолога и востоковеда А. Н. Бернштама, создавшего первую научную периодизацию древностей Чу-Илийского междуречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

А. Н. Бернштам глубоко интересовался каменными изваяниями и в своих работах отвел им значительное место (Бернштам, 1940, 1941, 1943, 1947, 1950, 1952, 1954, 1958, 1959). Подробно его исследования будут рассмотрены ниже, в соответствующих главах. После безвременной кончины А. Н. Бернштама семиреченскими изваяниями никто специально не занимался, хотя в некоторых статьях и работах они рассматриваются в связи с иными вопросами (Кибиров, 1955; Альбаум, 1960, 1960а).

Большое количество изваяний рассеяно по степям Казахстана. Однако до последнего времени были всего единичные публикации этих памятников (Кызласов, 1951; Маргулан, 1951, 1957).

Сведения о местонахождениях многих «каменных баб» приведены в капитальном труде «Археологическая карта Казахстана» (АКК, 1960). К сожалению, авторы «Карты» не учли того, что недостаточно указать, где и в каком количестве найдены изваяния, а нужно кратко описывать их иконографические особенности и положение на местности. В связи с этим оказалось почти невозможным использовать в данной работе материалы «Карты».

Интересные археологические находки собраны кружком юных краеведов школы № 10 г. Фрунзе под руководством большого энтузиаста Н. Д. Черкасова, а также учителей Е. М. Черкасовой, Л. В. Шевченко и В. М. Гапоненко. В многочисленных и разнообразных коллекциях школьного музея имеется целый ряд каменных изваяний и большое количество рисунков тех статуй, которые обследованы юными археологами на месте. Следует надеяться, что очень важные материалы музея будут со временем опубликованы.

Тюркские изваяния Семиречья и прилежащих областей наряду с другими памятниками рассматриваются в целом ряде работ,

опубликованных за рубежом (Pumpelli, 1905; Grano, 1909, 1910; Heikel, 1918; Appelgren-Kivalo, 1931; Harva, 1933; Kotwicz, 1928; Kotwicz, Samoilowitch, 1928; Kotwicz, 1937; Grinert, 1959; Ван Цзыюнь, 1956; Хуан Вэнь-би, 1960; Ли Чжэн, 1962). Особенно интересны новыми данными и глубиной анализа статьи Л. Йисла и А. Сальмони (Jisl, 1960; Salmony, 1940). Большие раскопки, проведенные чехословацко-монгольской экспедицией под руководством д-ра Лумира Йисла, дали новые материалы для объяснения семантики каменных изваяний. Среди них важное значение имеет находка головы и обломков статуи Кюль-тегина, тюркского принца, в честь которого был сооружен исследованный экспедицией: памятник.

* * *

Подводя итог краткому обзору литературы, можно сказать, что интерес к каменным изваяниям не ослаб и в наши дни, а их изучение с зыбкой почвы догадок и легенд встало на твердую научную основу. К сожалению, мы вряд ли находимся на пороге решения всех вопросов, связанных с этими памятниками, и в данной области еще многое предстоит сделать. В первую очередь необходимо завершить сбор сведений и публикацию самих памятников. Это важно осуществить в ближайшее время, так как при сельскохозяйственном и промышленном освоении какого-либо нового района каменные изваяния убирают с мест их первоначальной установки, а археологический надзор далеко не всегда успевает провести соответствующие работы по фиксации памятников *in situ*, что впоследствии значительно затрудняет их изучение.

Работая над сбором сведений о каменных изваяниях Семиречья и некоторых сопредельных районов (Восточный, Центральный и Южный Казахстан), автор данной работы считал своей первоочередной задачей научную систематизацию материала. Предложенная здесь схема классификации древнетюркских изваяний вызвала ряд вопросов историко-культурного характера, и их рассмотрение привело к некоторым выводам. Пришлось также рассмотреть отдельные особенности стиля этих своеобразных памятников монументальной скульптуры, которые представлены не столько с искусствоведческой стороны, — в чем автор не считает себя компетентным, — сколько с точки зрения взаимных влияний изобразительного искусства кочевников и населения земледельческих оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана. Этим в общем можно ограничить круг задач, которые в той или иной степени решены ниже. Нередко на передний план выступают вопросы методические, что объясняется источниковедческим характером работы. Использование методов математической статистики, приобретающих все большую популярность у археологов, привело автора к попытке представить описание каменных изваяний в такой

форме, которая была бы удобной для кодирования и последующего применения перфокартных систем обработки.

Географические рамки исследования, связанного с памятниками кочевников, трудно обозначить четко, поэтому часто приходится выходить за пределы собственно Семиречья и рассматривать памятники соседних и более далеких территорий. Поиски аналогий вещей и элементов стиля уводят еще дальше — в Центральную Азию, Восточный Туркестан, Персию и в Причерноморье. Вопросы семантики некоторых групп каменных изваяний рассматриваются в общем плане для Семиречья, Южной Сибири и Монголии, поскольку это памятники единого круга.

Кроме изваяний, изученных автором непосредственно в поле, в приложении I описаны статуи, хранящиеся в музеях Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Фрунзе, Пржевальска, а также материалы, любезно предоставленные М. П. Грязновым, А. П. Зяблиным, С. С. Черниковым и В. С. Сорокиным. В статистические подсчеты включены некоторые данные из материалов Н. Д. Черкасова. Полевые работы были организованы благодаря активному содействию директора Института истории АН Киргизской ССР К. К. Орозалиева и зав. сектором археологии и этнографии П. Н. Кожемяко. В экспедиционную группу входили В. А. Гаврилов, В. А. Сальников, Т. Кулматов, С. Кулматов, Д. В. Ильичев, Г. М. Швед, В. И. Синкевич, В. Б. Альтман, В. Е. Кулик. Во время работы автор постоянно ощущал поддержку со стороны своих товарищей по Сектору Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Много ценных замечаний сделали М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. М. Беленицкий, А. М. Мандельштам, А. А. Гаврилова, А. Д. Грач, просмотревшие рукопись. При изучении методов математической статистики любезную помощь оказали Б. И. Маршак, О. М. Киселев, Г. М. Швед. В подготовке материала к обработке на счетно-аналитической машине принимали участие М. Н. Пшеницына и Э. С. Шарафутдинова. Некоторая литература оказалась бы вне поля зрения автора, если бы не любезное внимание Е. В. Ольшевской. Всем перечисленным товарищам автор глубоко благодарен.

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ. ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Общие наблюдения позволяют считать, что, как правило, изваяния изготавливались из специально подобранных, удлиненных камней, которые более или менее тщательно подтесывались до формы, близкой к человеческой фигуре. Иногда это были окатанные валуны; в этих случаях наблюдается удачное сочетание гладкой и оббитой поверхности камня, что дополняет рельефное изображение своеобразной фактурой.

Чаще всего изваяниями изображались мужчины ^к с монголоидными чертами лица, с усами и небольшой бородой (рис. 2). Имеется с тем имеются и явно женские фигуры (рис. 3). Однако физический тип и пол изображенного определяются не всегда, как ввиду плохой сохранности изваяний, так и ввиду недостаточной четкости самого изображения. Головные уборы встречаются редко, иногда показана прическа в виде одной или нескольких кос, свисающих по спине до пояса. На некоторых фигурах одно или оба уха украшены серьгами, на шее гривна или ожерелье. Мужчины изображены одетыми в облегающий кафтан с треугольными отворотами и узкими рукавами. В талии фигура перехвачена узким поясом, нередко с целым набором украшений, пряжек и бляшек. На поясе висит кинжал или сабля, иногда — то и другое. На поясе нередко можно различить подвешенные сбоку точило, сумочку и целый набор различных менее ясных по форме предметов. Встречается также и широкая одежда со свисающими складками и просторными рукавами (рис. 4). В таких случаях обычно отсутствует пояс и оружие. Целый ряд изваяний изображает обнаженных людей, главным образом женщин.

⁴ Данная, наиболее общая характеристика-относится как к мужским, так и к женским изображениям.

Подавляющее большинство фигур держит в правой руке или в обеих руках сосуд. Формы сосудов разнообразны: кубки на ножке, кубки с петлевидной ручкой «уйбатского типа», чаши, цилиндрические и цилиндроконические сосуды. В очень редких случаях (известно всего 5) на правой руке показана сидящая птица (рис. 5).

Наряду с изваяниями, имеющими перечисленные детали, достаточно большое количество стел представляет собой только схематическое изображение лица или головы человека.

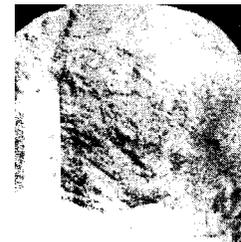
Технические приемы изображения не очень разнообразны. Обычно это невысокий рельеф, что достигается удалением «фо-

Бис. 2. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

Рис. 3. Семиречье, Алма-Ата.

Ряс. 4. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

на» вокруг той или иной выступающей детали (рис. 6). Наряду с рельефом широко представлена техника контурного резного рисунка по плоскости камня (рис. 7). Часто можно наблюдать сочетание контурной техники и рельефа на одном изваянии (рис. 8). Хотя и редко, но встречается почти объемная скульптура, выполненная с профессиональным техническим мастерством (рис. 9).

Небогаты разнообразием и стилистические особенности. Изобразительные пропорции почти стандартны — голова занимает обычно $\frac{7}{3}$ высоты статуи. В изображении черт лица преобладают и основном два приема: стилизация бровей волнистой линией

Рис. 5. Семиречье, Лша-Ата.

(рис. 10) и прямоугольное Т-образное изображение носа и бровей в едином комплексе (рис. 11). Иногда на некоторых изваяниях подчеркнуто стилизуются изображения, пальцев рук, что придает им несколько вычурную, неестественную изогнутость. Подробнее стилистические особенности будут рассмотрены в соответствующем разделе. Изваяния с оружием и без оружия, но в одежде, с кубками в руке, по имеющимся данным, устанавливались у ритуального сооружения в виде прямоугольной оградки из поставленных на ребро или сложенных плашмя камней, ориентированной сторонами по странам света. Статуя обычно ставилась спиной к оградке у ее восточной стороны, лицом на восток.⁵ Как правило, за ней в восточном направлении тянется ряд каменных столбиков-балбалов, который у конца иногда сворачивает влево (Грач, 1961, стр. 54).

Наряду с оградками известны остатки значительных по размерам сооружений со следами стен и кровли. У таких сооружений находили скульптурные изображения животных (баран, черепаха), коленопреклоненных людей, фрагменты архитектурного декора и стелы с древнетюркскими надписями. Такими были орхонские памятники.

Наиболее полное представление о них получено в результате упоминавшихся выше работ чехословацко-монгольской экспеди-

Рис. П. Тяш.-Шань. оз. Сон-Куль;

⁵ Приложение I, Л»№ 14, 30. 78; Грач, 1961, сводная таблица; Евтюхова, 1952, с полные таблицы.

Рис. 7. Южный Казахстан, Чимкент.

дли под руководством д-ра Л. Йнсла (Iisl, 1960; Сэр-Оджав, 1962), которой полностью раскопан всемирно известный памятник в честь Кюль-тегина. Это был монументальный храм размерами 10x10 м, сооруженный на цоколе 13x13 м.⁶ Стены храма были снаружи оштукатурены белой глиной и окрашены красной крас-

Рис. 9. Семиречье, Чуйская долин*

Рис. 8. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

кой. Изнутри сохранились остатки полихромно росписи. Посередине находилось святилище, или алтарь размерами 4.4x4.4 м. Между алтарем и стенами оставался проход шириной 1.8 м, ведущий вокруг. Храм был перекрыт черепичной крышей, которая покоилась на 16 деревянных столбах-колоннах; 12 из них были включены в ограждающие алтарь стены, а 4 стояли по углам. Нол

⁶ К сожалению, иллюстративные материалы этих раскопок до сих пор полностью не опубликованы.

был ровно вымощен, вход находился с восточной стороны. Снаружи к храму примыкал мощный двор, огражденный прямоугольной в плане стеной (67x29 м). В восточной части ее находились

крытые черепицей ворота шириной 2,9 м. По обе стороны этого входа обнаружены две противостоящие друг другу фигуры бара-

Рис. 10. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

Рис. 11. Тянь-Шань, оз. Сон-Куль.

нов. Непосредственно у ворот был расположен прямоугольный резервуар для сбора дождевой воды. Внутри двора, в 8 м от входа, лежала мраморная черепаха с углублением на спине, в которое вставлялся шип стелы с надписью. Над стелой с надписью первоначально был возведен павильон с черепичной крышей. Между воротами и храмом были установлены статуи сановников и придворных, двумя рядами окаймлявшие путь от входа к святилищу.

Первоначальное количество их установить трудно (почти все разбиты). Среди этих статуй сохранилось изображение мужчины с длинным мечом. Внутри центрального помещения обнаружены обломки статуи — изображений самого Кюль-тегна и его жены.

Рис. 12. Голова статуи Кюль-тегна (по Иислу).

Перед местами, где были установлены эти изваяния, обнаружено по яме с покрытыми штукатуркой стенами; на дне их лежали обломки керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге. Эти ямы являлись жертвенными местами. В одной из ям была обнаружена голова статуи Кюль-тегина (рис. 12), той самой статуи, сооружение которой запечатлено в хронике династии Таи (Jisl, 1960, стр. 7.1; Бичурин, 1951, I, стр. 277; Liu Man-tsai, 1958,

Вблизи ограды храма в ряду балбалов стоит грубая антропоморфная стела; второе такое изваяние — к том же ряду, в 10 м восточнее входа.

Кроме памятника в честь Кюль-тегина, чехословацко-монгольская экспедиция обследовала еще четыре идентичных, но значительно меньших по размерам памятника.

Основываясь на приведенных данных, орхонские комплексы можно расчленить на следующие основные конструктивные элементы:

- 1) центральная часть — храм со святилищем, или алтарем;
- 2) статуя человека, в честь которого сооружен памятник (расположена внутри святилища);
- 3) галерея статуй придворных вокруг алтаря и на восток от него вереница камней-балбалов, среди которых могут быть грубые антропоморфные стелы.

Примерно такая же картина, хотя и несравненно более упрощенная, устанавливается при рассмотрении основных конструктивных элементов тюркских оградок с изваяниями. В центре оградки всегда имеется жертвенное место, своеобразный алтарь либо в виде ямы с золой, пережженными костями и обломками керамики (Кызласов, 1960, стр. 57), либо в виде специально сложенного каменного ящичка с тем же содержимым (рис. 63 в приложении I). Между жертвенником и оградой — проход по внутреннему периметру оградки. У восточной стены оградки — изваяние, а от него на восток тянется ряд камней-балбалов.

Очевидно, что, несмотря на несоизмеримость по богатству и монументальности, памятники орхонской знати и многочисленные тюркские оградки с изваяниями сооружались в принципе по единому конструктивному замыслу и состоят из одинаковых по характеру составных частей, в частности и таких, как ряды балбалов, смысл и назначение которых никаких сомнений не вызывает. Это обстоятельство делает правдоподобным вывод о функциональном единстве оградок с изваяниями и монументальных орхонских сооружений, что уже отмечалось в литературе (Кызласов, 1960, 1964а; Грач, 1955, 1961).

Областью распространения древнетюркских каменных изваяний можно назвать весь азиатский пояс степей от Южного Приуралья до Восточной Монголии (рис. 13). Следует иметь в виду, что материал, которым мы сейчас располагаем, естественно, весьма незначителен по сравнению с тем количеством памятников, которое, можно предполагать, существовало при их «жизни».

Географическое распределение древнетюркских изваяний по нынешним данным следующее: Семиречье и Казахстан 332.' южная Сибирь, Тува и Монголия — 165,⁸

Можно попытаться «привязать» к определенным районам изваяния отдельных форм. Так, например, женские изображения характерны для Семиречья и нехарактерны для Южной Сибири и Монголии. Причем с удалением на запад их количество увеличивается, и за Волгой они уже почти не отличаются от южнорусских «каменных баб».⁹

Как уже отмечалось, большинство исследователей рассматривали древнетюркские изваяния в общем как однородную серию памятников, хотя все понимали необходимость какой-то классификации, а некоторые и пытались ее произвести.

К сожалению, пока не создано общей теории классификации археологических памятников. После трудов В. А. Городцова (Ю23, 1927) эта проблема была предана забвению, несмотря на то что каждому археологу постоянно приходится с ней сталкиваться. Поэтому в данной работе в качестве исходных принципов используются общенаучные требования к классификации.

Классификация должна способствовать познанию объективных закономерностей связи и различий между объектами, составляющими данную систему. Вместе с тем не следует забывать, что всякая классификация является результатом некоторого огрубления, внесения некоторых условностей в подразделяемую совокупность объектов (Философский словарь, 1963, стр. 200—201).

В. А. Городцов в свое время выдвинул следующие главные требования, которым должна соответствовать классификация археологического материала: 1) единая основа для всех классов, 2) подчинение классов, 3) взаимное исключение выделяемых классов. Однако этого недостаточно для построения классификации, которая вскрывала бы отмеченные выше закономерности в группировке археологических объектов. В силу их чрезвычайной сложности и неоднозначности необходимо введение некоего статистического критерия, который бы помогал улавливать существенное, закономерное и отбрасывать несущественное, случайное.

⁷ По сведениям «Археологической карты Казахстана», а также данным П. Д. Черкасова, учтенным в настоящей работе.

⁸ По сведениям, приведенным Л. А. Евтюховой, А. Д. Грачом и Л. Р. Кызласовым (Евтюхова, 1952; Кызласов, 1960, 1964а; Грач, 1961).

⁹ В силу неравномерной археологической изученности той или иной историко-географической области пока еще не представляется возможным более или менее ясно представить частоту территориального распределения изваяний.

Такая постановка задачи требует, чтобы в основе классификации лежал признак ведущего порядка и рассматривать его следует в соотношении (корреляции) с признаками второстепенными.

Построенная таким образом классификация позволит выявить не какие-либо однозначные, а статистически устойчивые закономерности.

В связи с этими требованиями предлагавшиеся до сих пор классификации древнетюркских «каменных баб» не представляются вполне удачными. Остановимся на них подробнее.

А. Н. Бернштам использовал в качестве основы для классификации «каменных баб» Тянь-Шаня технику их изготовления и по этому принципу разделил изваяния на четыре группы: 1) кон* турные изображения на удлинённых камнях (рис. 6); 2) изображения, сочетающие плоскостной рисунок с объемной головой (рис. 8); 3) изваяния, выполненные слабым рельефом (рис. 11); 4) целиком объемные статуи (рис. 9). По его мнению, в этих четырех группах наглядно выступают пути развития скульптуры из рисунка и резьбы (Бернштам, 1952, стр. 145). Следует отметить, что А. Н. Бернштам специально каменными изваяниями не занимался, а предложенная им классификация давалась в общем плане анализа древнетюркских памятников Тянь-Шаня.

Л. А. Евтюхова, классифицируя изваяния Южной Сибири и Монголии, подошла к ним в общем с теми же критериями. И хотя это не подчеркивается так ясно, как у А. Н. Бернштама, однако из текста следует, что различия в группах изваяний Л. А. Евтюхова видит также в основном в технике изготовления и на этой основе выделяет: 1) примитивно обтесанные каменные плиты или столбы «с нанесенными на них изображениями или одной головы, или с дополнениями отдельных частей тела, главным образом рук человека»; 2) «примитивные, но уже скульптурные изображения с более или менее разработанными рельефными деталями головы человека»; 3) «скульптурные изваяния в виде фигур людей» (Евтюхова, 1952, стр. 13).

С. В. Киселев, не ставя перед собой задачу специально исследовать древнетюркские изваяния Алтая, разделил их «на две группы — плоских и круглых скульптур» (Киселев, 1951, стр. 528), т. е. и он в основу классификации положил в конечном счете технику изображения. Таким образом, рассмотренные классификации хотя и показывают, что древнетюркские скульпторы пользовались в своей работе различными приемами, тем не менее они не способствуют постановке и решению других более важных вопросов. Строить на их основе хронологию памятников невозможно. Не способствуют они и решению другой не менее важной проблемы — выяснению семантики древнетюркских изваяний, — поскольку строятся лишь на внешних, формальных признаках, не отражающих смысла самого изображения.

Техника изображения может зависеть от целого ряда разных, подчас случайных условий. Например, разная фактура камня предполагает применение различных технических приемов. Степень совершенства используемого инструмента безусловно отразится на технике изготовления. Несомненно, при разном уровне мастерства одни ваятели пользовались одной, другие — другой техникой. Наконец, при прочих равных условиях разная плата за труд может определить разную степень тщательности в работе, что также проявится в технике изображения. Следовательно, техника изображения не может быть тем устойчивым, объективным признаком, который можно было бы положить в основу классификации. Также не могут быть использованы для этого ни порода камня, ни условия находки, часто вообще неизвестные, ни стилистические приемы, хотя все эти факторы необходимо учитывать.

Л. Р. Кызласов также рассматривал вопрос о классификации древнетюркских каменных изваяний (Кызласов, 1960, стр. 64; 1960а, стр. 153). Однако признаки, на которые он обратил внимание, разнохарактерны и вряд ли могут служить основой для общей классификации. Это — головные уборы и прически, формы сосудов, наличие или отсутствие оружия, пояса, порода камня. Если, например, такой признак, как наличие или отсутствие оружия, заслуживает особого внимания, то формы сосудов и порода камня никак ему не равнозначны, хотя и должны обязательно учитываться. Попытка Л. Р. Кызласова выделить особую, характерную якобы только для Тувы, группу изваяний с сосудом в обеих руках не подтверждается материалом, приводимым в данной работе.

Несколько иной принцип классификации каменных изваяний Тувы избрал А. Д. Грач (1961, стр. 54), который исходит из самого изображения, а это, конечно, значительно более существенный признак, чем техника ваяния или различные второстепенные детали. А. Д. Грач выделяет два типа фигур: 1) изображения человеческой фигуры полностью и 2) изображения человеческой головы или лица. Вслед за этим он отмечает, что изваяния второго типа к общему выдерживают пропорции ростовой человеческой фигур», и тем самым дает повод полагать, что их отличия могут быть чисто внешними и случайными. Такая классификация представляется несколько непоследовательной, так как неясно, какие признаки кладутся в ее основу. Логичнее было бы предположить, что в характере изображения — полная фигура или лицевая стела — и кроется различие между выделенными группами.

Далее, в своей книге А. Д. Грач пользуется как бы еще одной классификацией, хотя прямо об этом и не пишет. Каменные изваяния подразделяются им на две группы: 1) изваяния при оградках и 2) одиночные фигуры. Как показано в книге, первая группа древнее второй (Грач, 1961, стр. 91). Это уже хронологическая классификация. В ее основе лежат вполне объективные признаки:

1) вещи, изображенные на статуях и имеющие аналогии в датированных археологических комплексах; 2) способ установки изваяния и его ориентировка. Имея налицо такие явные различия, А. Д. Грач объясняет их только разницей во времени, а с точки зрения семантики считает все изваяния «балбалами», т. е. изображениями врагов.

Следует попытаться найти такую основу для классификации, которая бы позволила выйти из пределов каждого локального района и рассмотреть древнетюркские изваяния с точки зрения одного обобщенного признака. Наиболее приемлемым следует считать принцип, в некоторой степени намеченный Вл. Котвичем, т. е. в основу классификации положить изобразительный канон. Однако Вл. Котвич, пользуясь разрозненными немногочисленными материалами, не учел, конечно, многого. В частности, из поля зрения исследователей каменных изваяний, в том числе и Вл. Котвича (Kotwicz, 1937, стр. 164—165), выпала одна любопытная закономерность, которая заключается в том, что вся масса древнетюркских изваяний, распространенных от Монголии до Западного Казахстана, объединяется в большие группы, связанные общими иконографическими чертами. Вопрос об иконографии древнетюркских изваяний вообще до последнего времени не поднимался (Шер, 1963), а он заслуживает специального внимания.

Несмотря на то что семантика «каменных баб» во многом еще не может считаться ясной, несомненно, что это памятники культуры в широком смысле слова. Как известно, для памятников искусства, порожденных тем или иным культом, характерна устойчивая, консервативная иконография. Это достаточно хорошо видно в канонизированных образах как крупнейших мировых религий, так и языческих культов. Изобразительные особенности всегда непосредственно связаны с характером образа, с его смысловым содержанием.

В связи с изложенными соображениями представилось необходимым в основу классификации каменных изваяний положить изобразительный канон, состоящий из суммы иконографических элементов (поза или пространственное положение фигуры, определенный набор атрибутов), который принимается в качестве ведущего признака. Подразделение на группы по этому основному признаку должно сопровождаться корреляцией с дополнительными признаками: форма сосуда, стилистические особенности и т. п.

Положив в основу классификации изобразительный канон, всю известную автору серию памятников можно разделить на следующие группы.

I. Мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием. Это наиболее многочисленная группа. Фигуры выполнены разной техникой, с разной степенью мастерства и тщательности, использованы разнообразные породы камня. Вместе с тем все они

объединяются единой канонической позой: мужчина, изображенный анфас, держит перед грудью сосуд в правой руке, левая опирается на саблю, меч и кинжал. К этой группе относится наибольшее количество изваяний из Западного Казахстана, Семиречья, Южной Сибири, Синцзяна и Монголии (Евтюхова, 1952, рис. 3—5, 12, 14, 16—19, 22, 44-49, 71; Кызласов. 1960, рис. 2-5; Грач. 1961, №№ 1, 5, 6, 12, 13, 19, 22, 24, 37, 44; см. также приложение I, 1).

2. Мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия. Всеми признаками стиля, техники и отчасти иконографически фигуры этой группы очень близки предыдущим. Выделение их в самостоятельную Группу обусловлено только отсутствием оружия. Здесь, так же как и в первой группе, ясно видна иконографическая общность на всех перечисленных выше территориях азиатского пояса степей (Евтюхова, 1952. рис. 1, 2, 21-23, 31, 36, 40 и др.; Грач, 1961, №№ 8, 20, 42; приложение I, 2).

3. Изваяния с изображением только лица или головы человека. Такие изваяния распространены на той же территории и широко представлены во всех упоминавшихся выше работах и в приложении (I, 3). Отсутствие каких-либо деталей, кроме головы, вряд ли случайно, поэтому выделяем их в особую группу.

4. Изваяния с птицами выделены в самостоятельную группу, несмотря на их немногочисленность (приложение I, 4). Видимо, изображение птицы, сидящей на правой руке, имеет какое-то особое значение.

5. Мужские изваяния с сосудом в обеих руках. Здесь явно иной изобразительный канон. Изображена мужская (иногда обнаженная) фигура с сосудом в обеих руках перед животом. Оружия нигде нет. Детали одежды не показаны. Перечисленные признаки требуют выделения этих изваяний в самостоятельную группу.¹⁰

6. Женские изваяния с сосудом в обеих руках. От предыдущих эти фигуры отличаются только признаками пола. Это весьма существенное отличие, могущее указать на некоторые семантические особенности. Распространение женских фигур в отличие от остальных ограничено в основном территорией Семиречья (приложение I, 5).¹¹

¹⁰ Такие изваяния распространены так же широко, как и предыдущие. Они приводятся во всех цитированных выше работах (кроме того, см. приложение I, 5).

¹¹ Может возникнуть сомнение в том, что в особую группу не выделяются сидящие фигуры (см., например, Евтюхова, 1952, стр. 90). Дело в том, что *iso* всех случаях, за исключением тех, где явно имеются в виду враги (т. е. в ряду балбалов), вообще изображены сидящие, а не стоящие люди. Основанием к такой догадке служит то обстоятельство, что всегда, когда на изваянии показаны ноги, человек изображен сидящим. Это соображение вполне согласуется с уже дававшимся объяснением изваяний как изображений умерших, принимающих символическое участие в поминальном пиршестве (Кызласов, 1960, стр. 64).

	&	&>	O ⁷	S?	n\ш	/ФЬ	Л	#)	^	V	
81 100%		32 40 щ	7	43 53 Ш		1	ш W	6 8	7 9		75 75 200X
55 100%	3 5	n 20	18 33	23 Ж	2	1 ЖС	ш Ш Щ	2 4	11 28		50 200%
					3 ш	1		12 15 VWA			78 ml
					4 щ	1	Л ЖС Ж	1 33			3 5 200%
22	9 45 	5 12 W////A	B A3		S	23 Р	4/ ш	ц 38	20		37 34 ml
31 100%	29 ЖС	4 // V////M	4 11 W////A		6 /in Щ	9 29	1 5	22 щ ж		I	31 3D. 200/.

Рис. 14. Таблицы взаимной сопряженности таксономических признаков.

Представляется наиболее приемлемым табличный метод выявления корреляционных связей, получивший достаточно хорошую апробацию у археологов (Ефименко, 1926; Арциховский, 1930; Третьяков, 1931; Грязнов, 1941; Максименков, 1960; Хлобыстина, 1962, и др.).

Для построения корреляционной решетки необходимо взять два ряда признаков. Одним из таковых (признак I) служат выделенные выше группы (горизонтальные ряды таблицы рис. 14). Формы сосудов избраны потому, что они, во-первых, в значительной степени изменчивы, а это позволяет проследить, не соответствуют ли определенным формам сосудов определенные группы изваяний; во-вторых, формы сосудов более, чем другие предметы, поддаются хронологическому определению; в-третьих, сосуды изображены на большинстве изваяний (четыре группы из пяти). Для большей убедительности результаты, полученные из левой части таблицы, следует проверить, взяв иной признак второго порядка: стилистические особенности (признак III, правые вертикальные ряды таблицы рис. 14). Это позволит охватить выпавшие из левой части таблицы две группы изваяний без сосудов.

Левая часть таблицы. Формы сосудов взяты обобщенно. Это делается для большей наглядности. В первом столбце отмечено количество случаев (и их процентное выражение), когда на изваяниях изображены кубки на ножке. Во втором — чаши с круглым и уплощенным дном. В третьем столбце объединены кувшины и кружки «уйбатского типа».¹² В четвертом — удлинённые, цилиндро-конические и близкие к ним по форме сосуды.

Распределение материала на корреляционном поле свидетельствует о наличии зависимости в соотношении между формами сосудов и определенными иконографическими типами. Так, кубки на ножке больше всего встречаются в сочетании с двумя первыми группами и нехарактерны для двух последних. В то же время удлинённые сосуды, типичные для изваяний 5-й и 6-й групп, не встречаются в 1-й и 2-й группах. Вообще же расположение частот взаимных соответствий признаков на корреляционном поле позволяет выделить два участка уплотнения, которые соприкасаются между собой. Это обстоятельство делает вполне правдоподобным вывод о наличии двух качественно своеобразных типов фигур, находящихся в положительной связи между собой.

Правая часть таблицы. Здесь вместо форм сосудов признаками второго порядка служат стилистические особенности. Расположение материала в общем подобно предыдущему. Отличие заклю-

чается в том, что учтены изваяния без сосудов. Здесь еще больше заметна корреляция между первым и вторым участками уплотнения. Своеобразный прием стилизации изображений бровей характерен только для первых четырех групп и редко встречается в двух последующих. Часто наблюдаемая на изваяниях 1-й и 2-й групп несколько вычурная манера трактовки пальцев рук не встречается на изваяниях с сосудом в обеих руках. Вместе с тем последним свойственны нос и брови в виде прямой Т-образной фигуры, что, за редким исключением, не характерно для изваяний двух первых групп, у которых брови стилизованы волнистой линией.

Итак, данные, полученные в результате коррелирования разных признаков, позволяют говорить о двух качественно своеобразных типах памятников, т. е. о двух линиях в развитии древнетюркской скульптуры. Указывая на значимые различия, статистика не дает ответа на вопрос, чем они обусловлены. Причины могут быть разными: здесь возможно проявление и хронологических и семантических различий, попытка установления которых предпринимается в дальнейшем. Пока же следует уяснить, что же дает предложенная классификация.

Прежде всего избранная система группировки позволила охватить все известные в настоящее время изваяния, независимо от мест их распространения. Это весьма важно для выявления основных иконографических типов древнетюркской скульптуры. Достаточно большое количество материала, использованного в работе, позволяет быть уверенным, что если даже в будущем вновь обнаруженные памятники и внесут некоторые исправления в эту классификацию, то эти исправления не будут очень значительными, а вероятность обнаружения совершенно иных иконографических типов древнетюркской скульптуры чрезвычайно мала.¹³

Классификация позволяет прийти к заключению, что каменные изваяния Семиречья, Казахстана, Южной Сибири и Монголии характеризуются одними и теми же иконографическими чертами. В то же время наблюдается два качественно своеобразных типа фигур, отличающихся друг от друга иконографией, стилем и формами сосудов. К I типу относятся изваяния 1-й, 2-й, 3-й и 4-й групп. Ко II — статуи с сосудом в обеих руках, принадлежащие к 5-й и 6-й группам.

Вместе с тем наличие некоторых общих черт не позволяет считать указанные два типа вполне независимыми друг от друга.

¹² Объединение близких форм сосудов в известной степени условно, и в дальнейшем не исключены какие-либо коррективы.

¹³ В предложенной классификации не нашли себе места только два из паяния из всего количества известных автору памятников. Первое известно по очень неясному рисунку (Posta, 1905, стр. 113), второе хранится в Кызыл-ском краеведческом музее и опубликовано недавно (Кналасов, 1964а).

Автору совершенно очевидны недостатки предлагаемой классификации, связанные прежде всего с неразработанностью общей теории классификации археологических памятников и порожденные неполнотой данных об изучаемой совокупности материала.

Одним из главных недостатков изложенной схемы является ее некоторая статичность. В ней не отразилась динамика развития древнетюркской скульптуры. Это объясняется чрезвычайной скудостью данных о происхождении и развитии обряда установки «каменных баб», корни которого, вероятно, уходят в скифскую древность. Однако этот вопрос выходит за пределы настоящей главы и будет рассмотрен ниже.

Г. -*. а в а

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Вопрос о происхождении древнетюркской скульптуры редко ставился в археологическом плане. Принадлежность этих памятников к эпохе письменной истории как-то выдвигала на передний план все, что связано с данными различных исторических текстов или этнографии. Безусловно, эти материалы ценны и полезны, но поскольку они достаточно подробно рассмотрены в литературе, остановимся только на археологических свидетельствах.

А. Н. Бернштам, ставя вопрос о месте и центре происхождения «каменных баб» Тянь-Шаня, считал возможным «полагать, что центром происхождения балбалов является страна древних кыргызов — Минусинский край. Именно там мы видим древнейшую форму стел, восходящих к эпохе бронзы, и там эта традиция развивалась непрерывно» (Бернштам, 1952, стр. 144). Минусинский край действительно богат каменными изваяниями. Однако уже первые их исследователи подчеркнули существенные различия между основной массой изваяний эпохи бронзы и несколькими «каменными бабами» тюркского времени, совершенно не характерными для археологического пейзажа Минусинской котловины (Грязнов, Шнейдер, 1929, стр. 86). Дальнейшее изучение минусинских изваяний с еще большей убедительностью показало разницу между изваяниями эпохи ранней бронзы и тюркскими статуями. «Широко распространенные и известные в большом количестве каменные бабы тюркского типа в Минусинских степях представлены всего лишь пятью экземплярами» (Грязнов, 1950, стр. 148). Исследования последних лет, производимые в Минусинской котловине Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР, не прибавили к этому списку ни одной новой фигуры тюркского времени, хотя найдено много новых стел эпохи бронзы. Остается только присоединиться к мнению М. П. Грязнова: «каменные бабы» эпохи бронзы представляют особую категорию

Гм.²¹ Затем наблюдается ряд стилистических аналогий. Например, стилизованное изображение бровей заметно на изваяниях №№ 136—138, 143, 144, и др. Исследования подобных по иконографии юншосибирских изваяний с более выразительными деталями позволяют датировать перечисленные выше фигуры VIII—IX вв. (Кызласов, 1960, стр. 153; Грач, 1961, стр. 67). Одна из таких фигур имеет на спине надпись (Евтюхова, 1952, стр. 95, рис. 42). В связи с пересмотром датировки памятников енисейской письменности эта надпись и само изваяние отнесены ко второй половине IX в. (Кызласов, 1960в). Правда, нельзя считать доказанным, что надпись одновременна статуе, но и оспаривать датировку Л. Р. Кызласова пока нет оснований.

Особый интерес представляет группа изваяний, обнаруженных у памятника, связываемого народной легендой с эпическими героями Козы-Корпеш и Баян-Слу (Абрамов, 1858, 1858а; Баранов. 1899; Кастанье, 1910). Головине уборы изваяний, стилистические особенности, детали одежды и, наконец, общий изобразительный канон не оставляют никаких сомнений в непосредственной близости их к южнорусским «каменным бабам» не только по стилю, но и по времени. Что же касается сооружения, с которым они связаны, то сооружение подобной формы известно в Восточной Монголии и датируется X—XII вв. (Jisl, 1960, стр. 21, рис. 16; Вяткина, 1959). Показательно, что и статуи у памятника Козы-Корпеш постигла участь многих других. Еще в первой половине прошлого века они находились внутри упомянутого сооружения (Левшин, 1832, стр. 205). Впоследствии их вытащили отсюда и разбили.

В заключение следует отметить, что датировка каменных изваяний на основе довольно устаревшей методики не может претендовать на точность и безошибочность. Вместе с тем эта методика апробирована в других подобных работах и дает некоторое представление о хронологии рассматриваемых памятников. Нужно надеяться, что она будет исправлена в будущем с помощью каких-то более совершенных методов.

²¹ Отметим, что в Южной Сибири значительно больше статуй II типа с изображениями явно древнетюркских сосудов (Евтюхова, 1952. №№ 19, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 50, 52, 56, 62 и др.).

Глава 4

СЕМАНТИКА

Далеко не всегда ясность в вопросах смысла и назначения каменных изваяний возрастала пропорционально количеству напечатанных трудов, посвященных этим памятникам. Такое положение, почти господствовавшее до открытия орхонских памятников в Монголии (1889 г.), было довольно четко охарактеризовано Н. И. Веселовским: «Чем больше археологи писали об этом предмете, тем сильнее разыгрывалась их фантазия, а вопрос затемнялся в высшей степени» (Веселовский, 1915, стр. 22).

Дешифровка древнетюркских рунических текстов, помимо того, что это само по себе было выдающимся открытием, имела весьма важное значение и для понимания и объяснения «каменных баб», поскольку некоторые из камнеписных памятников были обнаружены в одном комплексе с изваяниями. После привлечения новых источников к разгадке тайны «каменных истуканов» сложилась определенная традиция их толкования, основанная на сведениях древнетюркских текстов и тайских официальных хроник.

В нескольких древнетюркских текстах были обнаружены упоминания о камнях-балбалах. Их удалось отождествить с вереницами каменных столбиков, вытянутых на восток от оградки с изваянием или от храмового комплекса орхонского типа.²² На некоторых из таких столбиков были даже соответствующие надписи, например: «. . . балбал Сабра таркана», «Это каменный балбал шада толесов» (Малов, 1959, стр. 11; Радлов и Мелиоранский, 1897, стр. 45). После такого удачного отождествления понятие «балбал» распространилось на каменные изваяния вообще. Поскольку балбалы, судя по текстам, олицетворяют врагов, убитых или побежденных тем человеком, в честь которого воздвигнут памятник, а ряду балбалов часто предшествует извая-

²² Вероятно, первыми, кто сделал это отождествление, были В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский (1897, стр. 9).

ние, то и об изваяниях стали говорить, как об изображениях врагов.

Вместе с тем в китайских официальных хрониках при описании погребального обряда тюркок-тугю упоминается сооружение в здании при могиле «нарисованного облика покойного» или «каменного знака» (Бичурин, I, 1950, стр. 230; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9; Итс, 1958, стр. 102). В другом месте, повествуя о похоронах принца Кюль-тегина, хронист пишет о сооружении его (Кюль-тегина) статуи (Бичурин, I, 1950, стр. 277; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 179). Эти сведения позволяют отождествлять каменные изваяния не с врагами, а с самими тюрками.

Недостатки археологической методики изучения семантики каменных изваяний и противоречивость данных письменных источников привели к тому, что были высказаны разные гипотезы: спор между их сторонниками велся в основном в филологическом плане (как понимать то или иное место текста, то или иное слово). При этом некоторые участники дискуссии, не зная языков источников, ссылаются на те лингвистические авторитеты, которые им кажутся более солидными, но разногласия есть и среди самих лингвистов. В связи с этим представляется целесообразным и даже необходимым рассмотреть вопрос о семантике именно на основе археологической классификации материала, дополняя и корректируя полученные выводы данными текстов.

Прежде всего следует остановиться на двух имеющихся гипотезах.

Гипотеза I. Изваяния-балбалы изображают наиболее могущественных врагов, убитых или побежденных при жизни знатным тюрком. Установив изображение врага на могиле или у поминального сооружения, близкие и родственники покойного обеспечивали ему тем самым служителя в загробном мире (Бартольд, 1897; Веселовский, 1915). Развивая и обосновывая дальше гипотезу I, А. Д. Грач попытался показать, что этот обряд носил и определенную социально-политическую окраску. Изваяния, поставленные на оживленных караванных путях из Китая в Южную Сибирь и на Запад, должны были служить воплощением силы и мощи тюркского каганата и устрашать его потенциальных врагов (Грач, 1961, стр. 92). Следует отметить, что если В. В. Бартольд и Н. И. Веселовский признавали слабые стороны своей гипотезы, в частности то, что ею невозможно объяснить семантику некоторых групп фигур, то А. Д. Грач в своих суждениях более категоричен и считает, что иного объяснения древнетюркских статуй Тувы²³ быть не может (Грач, 1961, стр. 76—77).

²³ Мнение В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского распространялось на все древнетюркские изваяния. А. Д. Грач рассматривает в своей работе только те «каменные бабы», которые найдены в Туве, и соответственно с этим не распространяет свое мнение на изваяния соседних областей. Вместе с тем нельзя забывать, что тувинские статуи, несомненно, принадлежат к более

Гипотеза II. Большинство каменных статуй изображали самих тюркок и устанавливались на могилах или на местах ритуального сожжения праха покойного (Клеменец, 1895; Казакевич, 1930, Массой, 1949, 1951, 1953; Киселев, 1951; Евтюхова, 1952; Бернштам, 1952, 1954; Потапов, 1953; Гумилев, 1959; Кызласов, 1960, 1964, 1964а). Если первая гипотеза исключает возможность иного истолкования каменных изваяний, кроме как изображения врагов, то вторая допускает двойное объяснение: «Они могли быть как изображениями портретного характера, воспроизводящими похороненного, так и изображением обобщенным, воспроизводящим его слугу в потустороннем мире» (Бернштам, 1952, стр. 143). Обе гипотезы не исходят из какой-либо четкой классификации самих памятников, а базируются на данных письменных источников.

Проверка существующих гипотез

Гипотеза I строится на сведениях древнетюркских рунических текстов и подкрепляется рядом историко-археологических доводов.

Рассмотрим конкретные данные. Кроме тех отрывков, в которых упоминается слово «балбал», в древнетюркских текстах нет больше мест, которые можно было бы так или иначе привлечь к истолкованию смысла «каменных баб» как изображений похороненных врагов. Выдержки о балбалах следующие.

1. Памятник в честь Кюль-тегина. «В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили „балбалом" (изображение) Баз-кагана. . .» (скобки и кавычки С. Е. Малона, — Я. Ш.; Малов, 1951, стр. 38).

2. Третий памятник с Уйбата. «Для красивого памятного лдания тюркский ханский „балбал" среди народа (государства) — девять героев, следуя друг за другом, и сыновей героев, поставив (все это) вместе (сгрудив), он выбрал доблестному моему начальнику» (Малов, 1952, стр. 63).²⁴

3. Пятый памятник с Уйбата. «Камень — балбал Кашука пограничной земли тепла» (Малов, 1952, стр. 65).

4. Онгинский памятник. «Их героев-мужей он поставил балбалами. . .» (Малов, 1959, стр. 10).

5. Там же, особый камень. «Балбал Сабра'таркана» (Малов, 1959, стр. И).²⁵

широкому кругу древнетюркской скульптуры и выводы относительно тувинских статуй независимо от воли автора выходят за пределы территории Тувы.

²⁴ Перевод В. В. Радлова несколько отличается (Radloff, 1895, стр. 339—346).

²⁵ Между прочим, из предыдущего текста, где упоминается имя Сабра-таркана, не следует, что это был враг того человека, в честь которого соору-

6. Памятник хану Могилян. «Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), я поставил [ему] балбалом Куг-сенгуна» (Малов, 1959, стр. 23).

7. Там же. «...их витязей убив, я приготовил (себе) балбалов» (Малов, 1959, стр. 23).

8. «Это каменный балбал шада толесов» (Радлов, Мелиоранский, 1897, стр. 45).

Ознакомившись с отрывками, в которых фигурирует слово «балбал», поставим вопрос: каково значение этого термина и на каком основании понятие «балбал» отождествляется со всеми каменными изваяниями?

Вообще со словом «балбал» в археологической литературе связана значительная путаница. В одних работах оно означает только могильные камни, иногда грубо обработанные в виде антропоморфных стел (см., например, Евтюхова, 1952, стр. 115—116). В других — балбалами называются каменные изваяния. В третьих — под балбалами понимается и то и другое (Берн-штам, 1952, стр. 78; История Киргизии, 1956, стр. 80). Поэтому полезно обратиться к данным тюркологии. Первые переводчики рунических текстов весьма осмотрительно толковали смысл слова «балбал», допуская возможность переводить его как «камень или каменная фигура» (Радлов, Мелиоранский, 1897, стр. 20). Впоследствии С. Е. Малов, несомненно под влиянием археологов, написал в своем словаре: «balbal — статуя, каменная баба» (Малов, 1951, стр. 368), хотя ни в одном из древнетюркских текстов нет ни одного прямого или косвенного указания на то, что балбал можно отождествить с каменным изваянием. Этот хотя и негативный, однако очень важный момент почему-то не принимается во внимание сторонниками гипотезы I. Слово «изображение» и фраза «вереница могильных камней» в тех местах, где они приводятся, взяты в скобки, что указывает на смысловую реконструкцию текста переводчиком.²⁶

Во всех остальных случаях, когда в надписи встречается слово «балбал» (Малов, 1951, стр. 39; 1952, стр. 52, 63, 65; 1959, стр. 10), нет повода к тому, чтобы объяснить его как обозначение каменной статуи. В одном же месте говорится прямо, что это камень (Малов, 1952, стр. 65).

жеп памятник (Малов, 1959, стр. 10). В этой связи можно высказать догадку, что балбалы могли обозначать не только изображения врагов, но и знаки жертвоприношения. Сколько было принесено таких жертв, столько было установлено балбалов. Но это, конечно, пока только догадка.

²⁶ Даже если согласиться с правомерностью таких вставок (это вопрос лингвистический, в котором автор не считает себя компетентным), то изображение во главе вереницы камней не может быть поставлено в однозначное соответствие с каменным изваянием. Под «изображением» можно понимать и грубую антропоморфную стелу, и любой иной столб из дерева или другого нестойкого материала, быстро разрушившегося.

Очевидно, нельзя, не имея достаточно твердого представления о том, что есть «балбал», подводить под это понятие целую серию памятников, да еще и неоднородных, как это показала классификация.

Рассмотрим историко-археологические доводы в пользу гипотезы I (применительно к материалам Тувы).

а) Прическа, изображенная на ряде каменных фигур, не соответствует той тюркской прическе, которая описывается в китайских хрониках. Тувинцы называют каменные изваяния к и ж и к о ж э э — человек косатый (т. е. с косой), что позволяет предположить наличие косы на всех изваяниях и воспринимать это название как обобщенное наименование памятников чуждой этнической принадлежности.

б) На нескольких изваяниях изображены коленчатые кинжалы так называемого «уйбатского» типа, характерные только для кыргызов.

в) Лица древнетюркских статуй имеют явно подчеркнутую монголоидность, что является признаком, чуждым древним тюркам.

г) В тувинском эпосе сохранилось несколько сюжетов, где речь идет о железных и иных изваяниях, используемых как мишени при стрельбе из лука во время состязаний. В одном случае упоминается об изваянии богатыря, сраженного в поединке другим богатырем.

д) В фольклоре селькупов зафиксирован обычай устанавливать трупы побежденных врагов по обе стороны дороги, по которой они пришли. В фольклоре кетов имеются упоминания об изображениях побежденного врага, вырезанных на дереве.

е) Свидетельство Ибн-Фадлана об обычае тюрков-огузов вырубать из дерева изображения людей, убитых при жизни покойником, и помещать их на его могилу (Грач, 1961, стр. 69, 78—89).

При внимательном изучении материала эта весьма развернутая аргументация более убедительна в своей комментаторской части, чем в фактической. Рассмотрим последовательно каждый довод.

а) На изваяниях изображены разные прически. Встречается и одна коса. Вместе с тем нередки изображения 5—8 тонких косичек (см. приложение I, 1), что вполне соответствует описанию, тюркской прически, приведенному в китайских хрониках (Lin-Mau-tsai, 1958, стр. 8, 494).

б) Ареал коленчатых кинжалов достаточно широк, на что, например, указывает А. Д. Грач (1961, стр. 79). Уже поэтому коленчатые кинжалы не могут быть твердым признаком кыргызской этнической принадлежности. Это тем более очевидно, что они изображены на очень многих изваяниях Тянь-Шаня (см. приложение), где нет памятников енисейских кыргызов (Кызласов, 1959; Зяблин, 1959; Шер, 1963б).

и) Монголоидность не может быть чуждым признаком для людей, этногенез которых шел в области распространения монголоидной расы. Монголоидность тюрков наряду с наличием значительного числа европеоидных черт, воспринятых от племен, с которыми тесно соприкасались тюрки, засвидетельствована специальными антропологическими исследованиями (Гинзбург, 1960, стр. 10).

г) Очень интересные в этнографическом плане фрагменты тувинского эпоса, в которых упоминаются изваяния, служащие мишенью для стрельбы из лука, прямого отношения к проверяемой гипотезе не имеют. В этом нетрудно убедиться, прочитав сами отрывки.

1. «... победит тот, чья стрела пролетит через дырку лисьей лопатки и через ушко серебряной иголки, подожжет кучу дров, привезенных на ста быках, попадет в голову железного изваяния и раздробит ее» (Гребнев, 1960, стр. 50).

2. «Надо стрелять так, сын мой, чтобы прострелить ушко большой иголки, прострелить дырочку лопатки, отстрелить по среднему суставу трехсуставное растение дересу, срезать железное намогильное изваяние и чтобы из кучи дров, привезенных на тридцати быках, сделалась мука (пыль)» (Грач, 1961, стр. 87).

3. «... отстрелить в поясице тесть намогильных изваяний» (там же).

4. «Убил силача Темир Мого и, так как говорят, что семья доброго воина не прерывается, поставил каменное изваяние, чтобы было памятником будущим поколениям (потомкам)» (Гребнев, 1960, стр. 49).

Очевидно, что ни в одном случае нет оснований, не нарушая законов логики, видеть в этих изваяниях изображения именно врагов. Это заключение усиливается тем, что к тюркскому времени относится только формирование тувинского героического эпоса, который в последующие эпохи претерпел многие изменения и дошел до нас со значительными переосмыслениями своих образов и содержания (Гребнев, 1960, стр. 51).

д) В общем то же возражение относится и к привлечению данных селькупского фольклора. Установка трупов побежденных врагов на видных местах — обычай, достаточно широко распространенный в пространстве и времени. Достаточно вспомнить расправу с участниками восстания Спартака. Но какое отношение имеет этот обычай к объяснению древнетюркских каменных изваяний как изображений врагов? Иное дело — рассказ об изображении побежденного врага в кетском фольклоре. Это уже ближе к описываемому в древнетюркских текстах обряду.

е) Свидетельство Р1bn-Фадлана, безусловно, является веским аргументом в пользу того, что и восточные тюрки могли устанавливать изображения убитых врагов на могиле своего соплеменника. Но ни этот, ни какой-либо другой из перечисленных выше

доводов не позволяет относить к категории балбалов все древнетюркские изваяния.

Таким образом, из гипотезы I следует взять для дальнейшей работы ее рациональную часть: тот неоспоримый факт, что на могиле или на месте сожжения праха покойного тюрка устанавливались камни-балбалы и что некоторые из них могли иметь вид грубых антропоморфных стел. Объяснение же всех остальных каменных изваяний как изображений врагов критики не выдерживает.

Гипотеза II базируется на сведениях китайских официальных хроник «Тан-шу» и более ранних «Чжоу-шу», «Бэй-ши.» и «Суй-шу». Исследователи каменных изваяний пользуются этими источниками главным образом в переводах на русский (Бичурин, 1950—1953), французский (Chavannes, 1903) и немецкий (Lin Mautsai, 1958) языки. Как уже отмечалось выше, китайские летописцы приводят рассказ о погребальном обряде тюрков-тугю, где, в частности, говорится: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (Бичурин, 1950, I, стр. 230).

Очевидно, что наряду с упоминанием балбалов, олицетворяющих убитых врагов, речь идет еще и об изображении самого умершего. Сооружение посмертной статуи упоминается еще в китайских хрониках при описании похорон принца Кюль-тегина (Бичурин, 1950, I, стр. 277; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 179). Эти сведения письменных источников подтверждаются археологическими раскопками. В конце прошлого века открыт памятник Кюльтегина, а совсем недавно, при его раскопках, обнаружена голова и другие обломки упомянутой статуи (Jisl, 1960, см. выше).

Любопытна еще одна деталь. «Когда один из них умирает, труп ставится (разрядка моя, — Я. Ш., почему ставится, а не кладется?) на возвышении в юрте» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9). Может быть, уже труп устанавливался в такой же позе, в какой затем было сделано изваяние?

В качестве подкрепляющих доводов небезынтересно указать на некоторые места из киргизского героического эпоса «Манас». Отрывки эти по своему содержанию явно восходят к древней, домусульманской части эпоса.

Старый Кокетей, умирая, завещает:

«... Останется моя вдова.
Моя любимая Кюлапм. Перед
изображением моим День и ночь
пусть не сидит, Глаза слезами не
слепит...» (Манас, 19R0. стр.
50).

На похоронах Манаса мастер Бакай

«...срубил тополевыи ствол,
Приложил старание он, Высек
изваяние он: Под его рукам возник
Деревянный Манаса двойник!
Как у Манаса, руки его, Как у
Манаса, ноги его, Даже глаза
похожи его!»

(Манас, 1960, стр. 302).

В отличие от гипотезы I критика гипотезы II затруднительна прежде всего в силу ее более правдоподобного характера. Установка статуарного изображения умершего на могиле или мемориальном сооружении вполне согласуется с общечеловеческими представлениями об этой стороне культурной жизни и широко представлена на всем протяжении истории самых разнообразных по уровню цивилизации народов. Гипотеза II не противостоит гипотезе I, а включает в себя последнюю как частный случай, ибо не отрицает наличия камней-балбалов, изображающих врагов. Правда, и в ней имеются слабые места.

Использование переводов, а не китайских подлинников может вызвать сомнение в точности фраз. Такое сомнение высказал А. Д. Грач относительно первого отрывка в переводе Н. Я. Бичу-рина. Р. Ф. Итс по просьбе А. Д. Грача сделал контрольный перевод отрывка (Итс, 1958, стр. 102). После этого стало ясно, что следует читать не «нарисованный облик покойного», а «каменный знак». Имеет ли это уточнение принципиальный характер? А. Д. Грач пишет: «Контрольное сличение текстов окончательно исключает, на наш взгляд, возможность привлечения китайских источников для доказательства того, что статуи являются изображением знатных тюрок, лишая тем самым сторонников этой концепции (гипотеза II, — Я. III.) главного и единственного аргумента» (Грач, 1961, стр. 77). Если бы этот аргумент действительно был единственным, то, возможно, гипотезу II было бы значительно труднее отстаивать. Но, как показано выше, рассмотренный отрывок является не только не единственным, но и не главным аргументом в пользу гипотезы II. Что же касается уточнения, сделанного при контрольном переводе, то его недостаточно для того, чтобы отвергнуть факт изготовления каменного изваяния умершего, которое могло быть изготовлено различной техникой, в том числе и такой, которую можно назвать «рисованием», т. е. контурным резным рисунком.²⁷

Второе слабое место рассматриваемой гипотезы заключается в отсутствии четкой классификации. Почти все сторонники гипотезы II полуинтуитивно представляют себе, что изваяния должны были изображать самих тюрок и вместе с тем некоторые из них

²⁷ Все эти вопросы подробно рассмотрены Л. Р. Кызласовым (1964а).

могли изображать врагов. Однако конкретных признаков, по которым можно было бы отличать первые от вторых, указать не удалось, поскольку не было классификации.

Вместе с тем гипотезу II как исторически и логически правдоподобное объяснение следует оставить в основе дальнейшего семантического анализа, построенного на изложенной в первой главе классификации.

Поскольку исходным моментом является классификация, рассуждения будут строиться примерно по следующей схеме: а) установлены такие-то факты; б) предлагается гипотеза, объясняющая эти факты; в) проверка гипотезы на согласованность с другими, независимыми от классификации фактами.

Классификация (см. главу 1) позволила подразделить все учтенные памятники на два типа. В соответствии с таким подразделением целесообразно вести и дальнейшее рассмотрение семантики.

Семантика изваяний I типа

Изваяния I типа удалось подразделить на 4 группы по определенным признакам. Первый вопрос, на который необходимо ответить, — не являются ли установленные различия случайными, отражают ли они определенные закономерности? Иными словами, мы будем проверять гипотезу о случайном характере установленных различий. Для большей убедительности проверку следует произвести на основе разных независимых признаков: 1) способ установки изваяний, 2) их средняя высота.

1. Способ установки. Наиболее полные данные об установке изваяний *in situ* приведены в работе А. Д. Грача (1961) и менее полные — в работе Л. А. Евтюховой (1952).

Из таблицы видно процентное соотношение по группам изваяний с балбалами и без них.²⁸

Группа	Всего при оградках	Из них с балбалами	%
1	25	14	56
2)	24	6	25
3	42	21	50

Правда, данные эти весьма относительны, поскольку неизвестно количество оградок, подвергавшихся разрушению. Однако

²⁸ Нам не удалось разыскать сколько-нибудь достоверных сведений, которые способствовали бы объяснению семантики изваяний 4-й группы (с птицей на правой руке). Поэтому немногочисленная 4-я группа изваяний здесь не рассматривается.

следует отметить, что оградки с изваяниями, относимыми к разным иконографическим группам, находились в общем в одинаковых условиях и разрушались независимо от своей принадлежности к той или иной группе нашей классификации. Это дает право предположить, что выявившееся в таблице соотношение со значительной степенью вероятности отражает ту пропорцию, кото рая была в действительности.

Выявляются следующие очевидные закономерности.

1) У изваяний 1-й группы чаще, чем у других, устанавливались балбалы.

2) У изваяний 3-й группы балбалы устанавливались реже, чем у 1-й, по чаще, чем у 2-й группы.

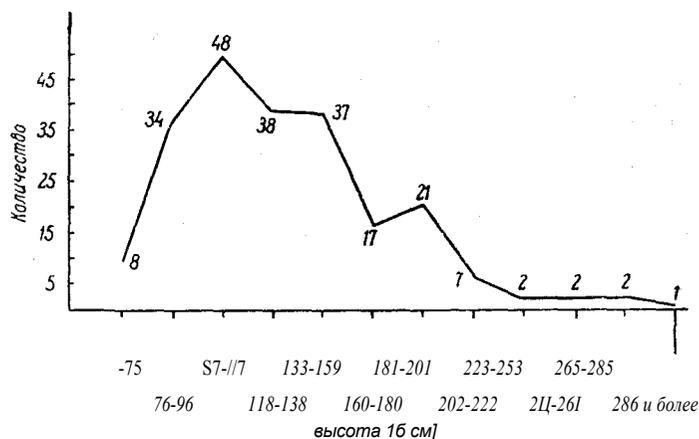

Рис. 10. Распределение изваяний I типа по высоте.

•3) У изваяний 2-й группы балбалы устанавливались значительно реже, чем у двух остальных (в 2 раза).

Объяснение указанных различий приводится ниже. Далее следует проверить различия между группами изваяний по другому признаку.

2. Средняя высота фигур. Подсчет арифметических средних* показывает некоторые существенные различия в высотах изваяний разных групп: 1-я группа — 145 (пределы колебаний от 55 до 280 см); 2-я - 121 (55-150 см), 3-я - 83 см (55-160 см).

Различия между изваяниями по высоте очевидны.

Является ли это обстоятельство случайным? Возможно. И задача последующего статистического анализа будет состоять в том, чтобы принять или отвергнуть гипотезу о случайных при чинах отмеченных различий.

В математической статистике имеются две основные категории критериев для проверки гипотез: критерии параметрические — для совокупностей, дающие нормальное распределение, и непараметрические (порядковые), когда исследуемый материал не под-

вержен нормальному распределению. Выбор критерия определяется характером распределения, которое дает (рис. 16) двухвершинную кривую. Причиной двухвершинности в данном случае может быть только отсутствие одного стандарта в изготовлении изваяний. Уже это является весьма существенным для нас выводом. Для проверки, не являются ли различия в размерах изваяний вообще результатом случайных причин, наиболее подходящим представляется критерий Вилкоксона (Вандер Варден. 1960, стр. 337—346), мощность которого достаточна для нашей совокупности материала.

В качестве нулевой гипотезы примем следующее утверждение: различия в высотах между изваяниями разных групп не связаны с определенными закономерностями и объясняются случайными причинами. Проверка при помощи критерия Вилкоксона отвергает нулевую гипотезу при сравнении высот изваяний между 1-й—2-й и 1-й—3-й группами с вероятностями ошибки в первом случае 0.8%, во втором — 2.4%. Различия между 2-й и 3-й группами не устанавливаются данным критерием как закономерные и могут быть вызваны случайными причинами.

Следующим этапом является попытка объяснить причины установленных различий. Опять рассуждаем по той же схеме: факты—гипотеза—проверка. Здесь, конечно, следует иметь в виду, что при объяснении причин различий между изваяниями сами различия берутся в качестве исходного факта.

Гипотеза: различия между 3 группами . каменных изваяний I типа связаны с неравенством в социальном положении лиц, в честь которых они устанавливались. Проверка этой гипотезы, хотя и менее строгая, чем предыдущей, может быть построена на следующих фактах.

На изваяниях 1-й группы почти всегда подчеркивается однообразный покрой одежды (узкие рукава, затянутый в поясе кафтан) и всегда показано оружие. Одновременно изваяния 1-й группы в среднем наибольшие по высоте, и при них чаще и в большем количестве устанавливались балбалы. Эти признаки подводят к мысли о том, что 1-я группа изваяний олицетворяет представителей тюркской знати, кочевой военной аристократии.

Рассмотрим изваяния 2-й группы (см. рис. 3). Если из всей совокупности исключить те фигуры, на которых детали одежды вообще не показаны или даны неясно, то останется 16 статуй. Из них на 15 (93.7%) показаны широкие, свисающие рукава. Преобладание этого признака у изваяний 2-й группы и полное его отсутствие у изваяний 1-й группы настолько очевидно, что избавляет от необходимости заниматься специальными статистическими подсчетами. Объяснение такой особенности можно получить из аналогий с памятниками, близкими нашим по характеру и времени. В сочетании с отсутствием оружия свободная одежда о широкими свисающими рукавами наводит на мысль о принад-

лежности людей, изображенных в фигурах 2-й группы, к сословию, не связанному с военным делом как основным занятием. Частично этим можно так же объяснить и сравнительную редкость установки балбалов при оградках с фигурами 2-й группы. Что это могли быть за люди? Думается, что правдоподобным будет предположительное отнесение изваяний 2-й группы к изображениям чиновной аристократии, людей, близких к правящей военной верхушке, но не занимающихся непосредственно военным делом. Этот вывод хорошо связывается с тем установленным выше фактом, что у изваяний 2-й группы значительно реже, чем у остальных, устанавливались балбалы. Эти изваяния могли устанавливаться как самостоятельно при оградках (см., например, Узбексай, приложение I, 2, № 63), так и в комплексе с другими фигурами, изображавшими участников траурной церемонии (Siren, 1930, p. 9).

Иногда считаются загадочными «мотивы изображения сосудов на каменных изваяниях» (Грач, 1961, стр. 66). Гипотеза II объясняет эту «загадку» довольно просто. В мировой этнографии широко известен обычай погребального пиршества, в котором мысленно подразумевалось участие самого умершего (Штернберг, 1936, стр. 331; Токарев, 1964, стр. 182). Причастие тюрков к этому обычаю засвидетельствовано в письменных источниках. Так, например, «... когда тугю узнали о смерти Чен Ву-тхина, они везде устроили пиршества. . . затем они соорудили для Чен Ву-тхина храм» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 335). Таким образом, кубок, который изображен в правой руке, есть не что иное, как знак присутствия, участия самого покойного в устроенном в его честь пире (Кызласов, 1964а). Между прочим, форма большинства кубков, изображенных на изваяниях 1-й и 2-й групп, до недавнего времени сохранилась в особом типе керамических кубков, использующихся у народов Средней Азии в качестве парадной посуды для подачи воды, айрана, кумыса, сливок и сиропов (Пещерева, 1959, стр. 239, 243, 253).

Антропоморфные стелы, относящиеся к 3-й группе, в тех случаях, когда они установлены у оградки лицом на восток, вероятнее всего, изображали более или менее рядовых воинов. Тогда же, когда такие стелы находятся в ряду балбалов, их можно связывать с изображениями врагов.

Все эти выводы, конечно, ни в коей мере не претендуют на окончательное решение проблемы.

Семантика изваяний II типа

В свете отмеченных выше иконографических и конструктивных различий (стр. 32 наст. работы) изваяния II типа нельзя связывать с погребальным или поминальным обрядом и нужно искать другое истолкование фигур этого типа.

Прежде всего обратимся - к некоторым иконографическим аналогиям. Антропоморфные статуарные изображения вообще широко известны у разных народов древности как непрменные атрибуты различных вариантов культа предков, характерного для подавляющего большинства древних племен и сохранившего свои пережиточные формы вплоть до последнего времени. Пересказ колоссальной литературы по этому вопросу и изложение тех или иных форм проявления культа предков вряд ли будут уместны. Достаточно привести близкие иконографические аналогии, чтобы подкрепить уже, очевидно, улавливаемую читателем попытку связать изваяния 5-й и 6-й групп нашей классификации с культом предков.

1. Уйбатская Кыс-таш. Фигура женщины. Рельефом изображены грудь и лицо. Контуром нанесены волосы, детали лица и руки (Грязнов, 1950, стр. 139, 142—143).

2. Корчинская баба из верховьев р. Бири близ улуса Кор-чнна (Минусинская котловина). Изображено лицо, женская грудь и руки (Грязнов, 1950, стр. 144).

Наиболее вероятная датировка обеих изваяний — андроновское время эпохи бронзы (Грязнов, 1950, стр. 143). В отличие от большинства каменных баб Минусинской котловины они имеют изображение женской (вернее, девичьей) груди и рук, сложенных на животе, что сближает их с некоторыми нашими фигурами.

3. Кизи-таш — каменное изваяние близ с. Аскыза (Паллас, 1788, стр. 501; Костров, 1854, стр. 13; Appeltgren-Kivalo, 1931, стр. 17; Грязнов, 1950, стр. 145), Улу-Кыс-таш (Грязнов, 1950, стр. 145—146). Оба изваяния происходят из Минусинской котловины. Несмотря на весьма неясные и не очень достоверные рисунки (оба изваяния не сохранились), М. П. Грязнов установил их особенности. Иная техника изображения — высечение силуэтов путем выемки поверхности камня за пределами изображаемых фигур. Наличие дополнительных изображений типа писаниц.

Эти фигуры еще ближе, чем предыдущие, к изваяниям 5-й и 6-й групп классификации. Общими признаками являются и техника изображения, и то, что второе изваяние явно женское, что отразилось и в его названии (Кыс-девушка). По поводу датировки и семантики этих изображений М. П. Грязнов писал: «Они принадлежат другому типу памятников, отличному от андроновских каменных баб не только по своему внешнему оформлению, но, надо думать, и по своему функциональному назначению и осмыслению. Время их сооружения не может быть пока точно определено. На то, что они по времени значительно позже андроновских каменных баб, указывает наличие в изображениях таких предметов, как копье с трехлопастным флагом (Кизи-таш), известное нам по енисейским писаницам тюркского времени, и бронзовый котел (тувинское изваяние), известный для минусинской

курганной и таштыкской культур. По основному изображению они сближаются с каменными бабами тюркского типа такими деталями, как сосуд в руках . . . и положение ног „калачиком“. . . не имея других, более прочных оснований для датировки этих памятников, сейчас можно ограничиться лишь предположением, что они относятся ко времени около нашей эры или несколько позднее, и считать их ранними формами каменных баб тюркского типа» (Грязнов, 1950, стр. 148). Л. Р. Кызласов более категорично относит последнее из этих трех изваяний к таштыкскому времени (19606, стр. 159).

Рис. 17. Изображение женщины с сосудом в руках. Якутское искусство. (По Якуниной).

4. Образ женщины, держащей обеими руками перед животом сосуд для кумыса, в костерезном искусстве якутов (рис. 17). Вот что об этом пишет Л. П. Якунина, сравнивая это изображение с каменными бабами южнорусских степей. «Такое сходство в трактовке женского образа на обоих памятниках и общность деталей позволяет предполагать возможность установления тесной связи между ними» (Якунина, 1959, стр. 88). Небольшая давность этого изображения на кости не может служить препятствием для аналогии, поскольку, несомненно, сам образ восходит к значительно более отдаленным временам, на что и указывает Л. П. Якунина (1959, стр. 90).

5. Миниатюрное резное изображение на удлинненном камне, изображающее женщину с сосудом в обеих руках в «треухрогом» (см. приложение I, №№ 67, 71, 83, 90 и др.) головном уборе (рис. 18). Условия находки неизвестны (Тюменский музей, картотека М. П. Грязнова). Высота 12—15 см.

6. Миниатюрная фигурка, вырезанная из рыбьего зуба, высотой около 4 см (Salmony, 1940, стр. 12). Изображена женщина с сосудом в обеих руках (рис. 19). Стиль очень близок

к стилю изваяний 6-й группы. Даже изображение девичьей груди дано тем же приемом. Место находки — Северная Монголия, датировка VII—VIII вв. (Институт изящных искусств, Нью-Йорк).

7. Миниатюрное изображение человека, держащего перед животом обеими руками сосуд. Северный Кавказ, IX—X вв. (Salmony, 1940, стр. 15). Высота около 5 см (рис. 20).

Размеры трех последних изображений исключают возможность связывать их с теми же функциями, которые выполняли изваяния I типа. Скорее всего это «карманные» или домашние аму-

Рис. 18. Миниатюрное изображение женщины с сосудом в руках. Высота 12—15 см. (По Грязнову).

Рис. 19. Миниатюрная фигурка из Северной Монголии. Высота около 4 см. (По Salmony).
Рис. 20. Миниатюрная фигурка с Северного Кавказа. Высота около 5 см. (По Salmony).

леты, олицетворяющие обожествленного предка. Полное совпадение в иконографии и стиле с изваяниями II типа позволяет предполагать, что и последние относятся к тому кругу культовых представлений, который значительно древнее и шире обряда установления изваяний у оградок.

8. Каменные бабы южнорусских степей (рис. 1, ж). Территориально и иконографически это самая близкая аналогия изваяниям II типа. Правда, с их семантикой тоже далеко не все ясно. Видимо, здесь уже наслоились разные формы более древних обрядов, в том числе и культа предков. О весьма развитом культе предков у кочевников Дешт-и-Кыпчака сообщают Плато Карпини и Гильом Рубрук (Плато Карпини, 1957, стр. 28, 29, 94, 150, 151).

выпускные погрешения, к которым статуи не имели никакого отношения (Плетнева, 1958, стр. 207). Во всяком случае характер поклонения каменным статуям, о котором сохранились данные письменных источников, позволяет связывать их с культом предков (Низами, 1953, I, стр. 359).'

9. Интересной, хотя и очень отдаленной по территории аналогией являются образы предков в культовых изображениях одного из племен Индонезии (КаБо, 1959). Здесь также изображены мужчины и женщины, держащие перед животом в обеих руках сосуд. Эта аналогия свидетельствует о какой-то очень древней культовой иконографии, конвергентно возникавшей у племен, никогда между собой не общавшихся, но одинаково усердно почитавших своих предков.

Хотелось бы отметить, что канонический образ человека, держащего в сложенных на животе руках сосуд, распространен далеко за пределами азиатского пояса степей. Когда была раскопана нижняя часть одной из колоссальных статуй острова Пасхи, оказалось, что на животе контурными рисунками изображены руки, держащие сосуд (Хейердал, 1961, фото между стр. 96 и 97). Деревянные идолы, запечатленные в подобной позе, известны на барабанах для хранения черепов у племени пангве в Африке (Lips, 1961, стр. 516). Безусловно, трудно представить себе какие-либо связи и заимствования у столь отдаленных друг от друга во времени и пространстве племен. Но сам факт конвергентного возникновения такого образа еще потребует объяснения.

На интересную особенность семиреченских женских фигур¹ в отличие от южнорусских обратил внимание автора этой работы М. П. Грязнов. Характер изображения женской груди на семиреческих статуях коренным образом отличается от того, что мы наблюдаем на южнорусских «бабах». На всех женских фигурах из Семиречья явно изображена девичья грудь, а не грудь женщины-матери, которая изображалась совершенно иначе. Не хотел ли скульптор подчеркнуть этим особый социально-культовый характер образа девы-прародительницы? Думается, что положительный ответ на этот вопрос вряд ли может вызвать серьезные возражения. Нет нужды повторять приведенные в работе М. П. Грязнова (1950) примеры о широкой распространенности культа девы-прародительницы рода или племени. Подобное объяснение семиреченских женских изваяний очень хорошо увязывается с легендой о происхождении народа хойху (уйгуры). «Рассказывают, что,

■ у хуннского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем, и, поместив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их. По прошествии трех лет мать пожелала взять их. Шаньюй сказал: невозможно: еще не пришло время. Через год после сего один старый волк стал денно и ночью стеречь терем, производя вой: почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование. Она только что хотела сойти к нему, как старшая ее сестра в чрезвычайном испуге сказала: это животное; не посрамляй родителей. Меньшая сестра не послушала ее, сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство. . .» (Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 215). В этой легенде хорошо сохранились древнейшие пласты тотемических представлений. По женской линии происхождение ведется от девы — дочери шаньюя, по мужской от известного не только у уйгуров, но и у других тюркских племен тотема — волка. Такое объяснение тем более вероятно, что хронологически аналогичные семиреченским фигуры, происходящие из Южной Сибири, относятся, вероятнее всего, к уйгурскому времени (Кызласов, 1960в, стр. 153).²⁹ Можно ли утверждать, что семиреченские изваяния изображают одну из дочерей хуннского шаньюя, которая, выйдя замуж за волка, положила начало племени хойху? Если такое утверждение и не выглядит достаточно убедительным, все же связь рассматриваемой группы изваяний с культом обожествленных предков вполне очевидна. Вероятно, в этих образах сохранились и какие-то пережитки матриархата. В подкрепление последнему тезису уместно привести сообщение Суй-шу о том, что у племени тйеле (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 128) после свадьбы жених остается в доме невесты до тех пор, пока не родится ребенок и не будет выкормлен грудью. Только после этого он возвращается к себе (Кюннер, 1961, стр. 39). В этом сообщении, по-видимому, запечатлелись пережитки матрилокального рода или семьи у уйгуров.

Заканчивая рассмотрение семантики изваяний II типа, следует с известной степенью вероятности отметить, что и этнически значительную их часть вернее всего связывать с уйгурами, хотя происхождение культа, которому они принадлежат, относится к значительно более отдаленным по времени эпохам.

²⁹ Утверждение Л. Р. Кызласова о том, что такие изваяния характерны только для Тувы, объясняется, видимо, тем, что ему были неизвестны подобные статуи в Семиречье.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Рассмотренные выше вопросы историко-археологического характера уже не раз были предметом обсуждения в исследованиях, посвященных «каменным бабам». Несколько иначе обстоит дело со стилистическим анализом этих памятников. О стиле древнетюркских изваяний почти не писали, хотя необходимость такого исследования вряд ли может быть поставлена под сомнение. Анализ стилистических особенностей помогает понять некоторые черты культурной жизни древних тюрков, пришедших с Алтая и Монголии в Среднюю Азию, их связи с оседло-земледельческим населением Согда и его колоний и в какой-то степени оценить характер древнетюркской монументальной скульптуры. Этим в основном и ограничивается задача настоящего раздела.

В упоминавшихся выше работах В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова и А. Д. Грача, равно как и в многочисленных мелких статьях, сообщениях и заметках стиль «каменных баб» либо вообще не рассматривается, либо речь идет в основном о технических приемах изображения, что нельзя считать стилистическим анализом.

А. Н. Бернштам, пожалуй, первый поставил вопрос о необходимости такого исследования. Сначала им был отмечен только примитивный характер изображения (Бернштам, 1941, стр. 62). Затем, предпринимая попытку классифицировать семиреченские изваяния, А. Н. Бернштам отмечает сохранение единых стилистических особенностей у изваяний разных групп (1950, стр. 79), хотя и не указывает, какие конкретные особенности имеются в виду. Позднее, работая над своим обобщающим трудом по археологии Тянь-Шаня и Памиро-Алая, он вплотную подошел к необходимости рассмотреть конкретные особенности стиля «каменных баб». Новые находки с побережья оз. Иссык-Куль

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача построения единой для всех рассмотренных памятников типологической классификации, поставленная в самом на-

I чале, нужна была для того, чтобы получить более или менее

I совершенный метод для работы над материалом. Несомненно, изложенная в первой главе схема не свободна от недостатков и условностей. Однако критерием ее пригодности оказалась возможность постоянно пользоваться данной классификацией при постановке и рассмотрении всех последующих задач. Тем самым в какой-то степени логически усиливается правдоподобие не только самой схемы, но и положенных в ее основу таксономических признаков.

Классификация обнаружила устойчивый изоморфизм как меж-

I ду отдельными изваяниями, что было известно и ранее, так и

! между целыми группами памятников независимо от их место-

I нахождения, часто разделенных тысячами километров. В ряде

; случаев это подобие форм не зависит не только от пространства,

| но и от времени, и уходит своими корнями в скифскую древность. Такая традиционность изобразительных канонов в искусстве, порожденном религиозным мировоззрением, — хорошо известный и многократно повторяющийся в мировой культуре факт, который отражает консервативность обрядовой стороны религии, хотя и не "препятствует изменениям идейного осмысления внешне мало меняющихся обрядов.

1

Выявленные при классификации два особых типа памятников объясняются их принадлежностью к двум разным обрядам: I тип — к обряду поминовения конкретных умерших или погибших людей, II тип — к значительно более широкому культу обоженных предков.

Невозможность выявить существенные изменения во времени значительно затрудняет хронологическую характеристику каменных изваяний. При всем несовершенстве методики датирования изваяний по формам изображенных на них предметов ею приходится пользоваться до тех пор, пока не будут предложены более

; / | j |

точные способы хронологического определения «каменных баб». Облегчающим обстоятельством явилось наличие достоверных датирующих сведений письменных источников.

Подразделение каменных изваяний на типы и группы, их датировка и попытка объяснить семантику позволили получить некоторые материалы, дополняющие письменные сведения по истории культуры кочевников Семиречья в раннем средневековье.

Время тюркских каганатов на этой территории представлено пока недостаточным количеством исследованных археологических памятников. Вместе с тем, судя по историческим данным, Семиречье было местом, где сложилась и расцвела крупнейшая кочевая держава домонгольского времени — Западный каганат. Большое количество древнетюркских каменных изваяний убедительно подтверждает эти сведения. Правда, здесь так и не обнаружены храмовые комплексы с изваяниями, подобные орхонским. Думается, что в том виде, в каком были обнаружены орхонские «гробницы», аналогичные памятники Семиречья не будут найдены. Пряже всего это объясняется иными, неблагоприятными для их ■сохранения условиями. Известно, что центр Западно-Тюркского каганата находился где-то в Чуйской долине; менее значительные •ставки, видимо, были еще в нескольких местах. Чуйская долина неоднократно была ареной многочисленных столкновений и вторжений, ее землю много раз топтали орды завоевателей. Вряд ли •следует ожидать, что с VI—VIII вв. здесь могли сохраниться памятники, бывшие символом политического господства

древних тюрков; такие сооружения в первую очередь разрушались теми, кто захватывал власть. Наиболее вероятными местонахождениями памятников, подобных орхонским, следует считать два района.

1. Район Иссык-Ата—Кегеты (Чуйская долина). Из этого района происходит несколько особенно интересных каменных •статуй; одна из них отделана с особой тщательностью (№ 15). Кроме того, здесь (у устья ущелья Иссык-Ата) была обнаружена каменная черепаха, неизменный атрибут орхонских памятников. По размерам она уступает своим монгольским прототипам, но ее -смысл и назначение, в сочетании ^{sl} с изваяниями, не вызывают никаких сомнений в принадлежности к сооружению типа орхонских храмов.

2. Район Талды-су (Иссык-Куль). Здесь в достаточно большом количестве, но, к сожалению, не *in situ*, обнаружены наиболее выразительные статуи из используемой в этой работе серии. Особо бый интерес вызывает статуя № 37 (высота 2.8 м), изображавшая, несомненно, очень знатную персону.

Если остатки погребальных «храмов» и сохранились, то их следует искать прежде всего именно в этих районах.

³¹ Выше, при описании храма в честь Кюль-Тегина, отмечалась каменная черепаха как пьедестал для стелы с надписью (см. также Киселев, 1962).

С исторической точки зрения такое выделение двух (несомненно, их было больше) центров сосредоточения древнетюркских памятников вполне правомерно, поскольку Западный каганат состоял, как свидетельствуют источники, из 10 племенных объединений.

Восточную часть Иссык-Куля в VIII в. населяло крупное тюркское племя чигиль, а где-то в южной части Семиречья (Чуй-ская долина) был центр Тюркешского каганата.

Конечно, на нашем материале трудно определить, какие статуи относятся ко времени Западного, а какие — к периоду Тюркешского каганата. Однако территориальное их распространение вполне соответствует засвидетельствованным историческими источниками районам расселения западных тюркских племен.

Можно внести некоторые коррективы в наши представления об этногенетических процессах, происходивших на территории Тянь-Шаня и Притяньшанья в VI—VIII вв. До сих пор неясно, какие тюркские племена играли в это время ведущую роль в формировании этно-культурного облика народов, населявших Тянь-Шань и прилегающие к нему районы. Неоправданно большое место отводилось в литературе енисейским кыргызам-хакассам, которые якобы обитали на Тянь-Шане уже в VI—VIII вв., но об этом молчат источники (История Киргизии, I, 1956, стр. ИЗ). Отдельные находки погребальных комплексов с явно выраженными чертами культуры алтайско-орхонских тюрков (Зяблин, 1959; Кызласов, 1959; Шер, 1962, 1963б) уже давно сигнализировали об ином, отличном от енисейско-кыргызского, этно-культурном компоненте.

Немногочисленные, но выразительные данные о тюркских могилах с конем на территории Тянь-Шаня и Семиречья в сочетании с рассмотренной серией «каменных баб» становятся уже внушительным аргументом качественного порядка, свидетельствующим о значительной роли тюркоязычных племен алтайско-орхонского (но не енисейского) происхождения в этногенетических процессах, происходивших в северных районах Средней Азии в рассматриваемое время.³²

ЕТЗли письменные источники молчат, а археологические — говорят о некоем ином этно-культурном массиве племен, то ясно, что нет никаких оснований связывать культуру кочевников Тянь-Шаня времени тюркских каганатов с населением Минусинской котловины. В то же время гипотеза об алтайско-орхонском ком-

³² Следует отметить, что здесь имеются в виду чисто археологически признаки, в соответствии с которыми различаются памятники кыргызов и алтайско-орхонских тюрков. Погребальный обряд кыргызов — трупосожжение, надгробное сооружение — чаатас. Погребальный обряд тюрков — трупосожжение и сооружение изваяния для поминок или трупоположение с конем под курганной насыпью. Помимо этого, имеются некоторые отличия в форма инвентаря, сопровождающего погребенного (керамика, металлические изделия).

поненте в этногенезе народов Семиречья заслуживает серьезной дальнейшей разработки.

Некоторые любопытные данные можно отметить в области культовых представлений древних тюрков. Их общий характер можно представить как шаманизм, что, собственно, было известно и ранее. Вместе с тем проявляется ряд конкретных черт тюркского шаманизма, и, что, пожалуй, важнее всего, можно проследить некоторые изменения в облике культовых церемоний, связанные с усилением общественной дифференциации.

В сооружении тюркских поминальных памятников наблюдается довольно четкая преемственность в ряде основных конструктивных элементов от предшествующих эпох. Вместе с тем в эти устоявшиеся, традиционные формы вклиниваются новые, совершенно не характерные ранее черты, происхождение которых, по всей вероятности, объясняется изменениями социального порядка, происходившими в тюркском обществе. Это было время сложения гигантской раннефеодальной империи, подчинившей себе на короткий период колоссальную территорию степной части евразийского континента, а также значительную часть земледельческих районов Средней и Центральной Азии. Безусловно, старые культовые обряды и церемонии, не носившие еще на себе отпечатков нового строя, не могли удовлетворять кочевую аристократию. По-видимому, сначала в ее среде имел место некоторый «период исканий» новых идеологических форм закрепления складывающихся общественных порядков. Очевидно, так можно объяснить несостоявшуюся попытку ввести у тюрков буддизм. Эта религия не привилась среди тюрков прежде всего, вероятно, потому, что ее основные каноны не соответствовали целому ряду особенностей их социально-политического уклада. Одним из таких нововведений явился обычай строить пышные храмы, известные по находкам в Кошо-Цайдаме, Баин-Цокто, Ихз-Хушоту и др., которые должны были отражать величие и мощь феодализирующейся верхушки каганата. Этот обычай в несравненно менее пышном виде распространился среди остальных кочевников, которые в меру своих возможностей стремились подражать могущественным сюзеренам. Так появились скромные каменные оградки с жертвенными сожжениями, изваяниями и балбалами, широко известные в степях от Монголии до Западного Казахстана.

Наряду с этим обычаем, отразившим изменения в структуре общества, продолжали существовать еще более древние обряды установки статуй обожествленных предков, сохранявшиеся, очевидно, до тех пор, пока они не были вытеснены исламом. В западной же части кочевого мира, у обитателей южнорусских степей, этот обычай просуществовал дольше и, возможно, тоже претерпел ряд изменений.

ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры.
ПГМ	— Пржевальский городской музей.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РКМ	— Республиканский краеведческий музей.
GA	— Советская археология. ■—
СМ	— Семипалатинский музей.
СЭ	— Советская этнография.
ТОВГЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
УЗТШПЛИ	— Ученые записки Тувипского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
ЧКМ	— Чимкентский краеведческий музей.
EAZ ESA	— Ethnographisch-archaologische Zeitschrift.
ISFOu	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
WZKMU	— Journal de la Societe Finno-ougrienne. Wissenschaftliche Zeitschrift <i>Lem</i> Karl-Marx-Universitat.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	.....
Глава 1. Общая характеристика каменных изваяний, их распространение и классификация	.....
Глава 2. Происхождение древнетюркских изваяний	.....
Глава 3. Хронология	.....
Изваяния I типа	.....
Изваяния II типа	.....
Глава 4. Семантика	.....
Проверка существующих гипотез.....	.....
Семантика изваяний I типа	.....
Семантика изваяний II типа.....	.....
Глава 5. Некоторые особенности стиля древнетюркской скульптуры	
Заключение	.....
Приложение I.....	.....
1. Мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием на поясе	.....
2. Изваяния с сосудом в правой руке, без оружия.....	.....
3. Изваяния с изображением только лица или головы человека	.....
4- Изваяния людей с птицами в руках	.....
5. Изваяния с сосудом в обеих руках (мужские и женские)	.....
Приложение II.....	.....
Литература.....	.....
Список сокращений	.....